

Августовские тезисы

Об этом говорил известный поэт в беседе с Александром Генисом, подготовившим цикл передач о новейшей словесности для радио «Свобода».

Проект нацелен на создание группового портрета русской литературы в тот переломный момент, когда она подводит итоги XX века и готовится к встрече с новым столетием.

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

Живет такое существо: писатель. Он писатель еще до того, как что-либо сочинил, ему так на роду написано. Результат его духовной жизнедеятельности — литературные произведения. Как результат жизнедеятельности шелкопряда — шелковая нить. Но писатель — человек, разумное существо; задним числом он спрашивает себя, зачем все это, почему меня от прочих людей отличает настойчивая тяга к словоизвержению? Когда я задаюсь этим вопросом, у меня на него два ответа: возвышенный, идеалистический и материалистический, земной.

Начнем с земного. Мы, люди, сильно страдаем от одиночества. С нами все здесь происходит — в первый раз в жизни и вполне всерьез — и хорошее, и плохое. И в счастье, и в несчастье нам нужны товарищи, чтобы поделиться опытом, спросить, а как ты с этим справляешься? Так вот литература — замечательное общение, мы узнаем, что не мы первые, не мы последние плутали в этих трех соснах: Шекспир, Пушкин, Толстой делятся с нами своими надеждами, опасениями, предположениями.

Но из этого, кстати, вытекает очень серьезное требование к искусству вообще. Раз искусство — общение, мы вправе рассчитывать на естественный и уважительный тон. То есть говорите с нами на равных: не сюсюкайте — мы не дети; не заноситесь — у нас своя голова на плечах; не берите на испуг, не шокируйте — мы видавали виды; не развлекайте нас — на то есть конференсье и масовики-затейники. А проще всего, занимайтесь искусством, как Том Сойер забор красил, играя и заигрываясь, — тогда и мы не останемся равнодушными. Естественность — лучший способ уклониться от социального заказа, идеологического диктата, присяги литературному течению, групповой эстетики.

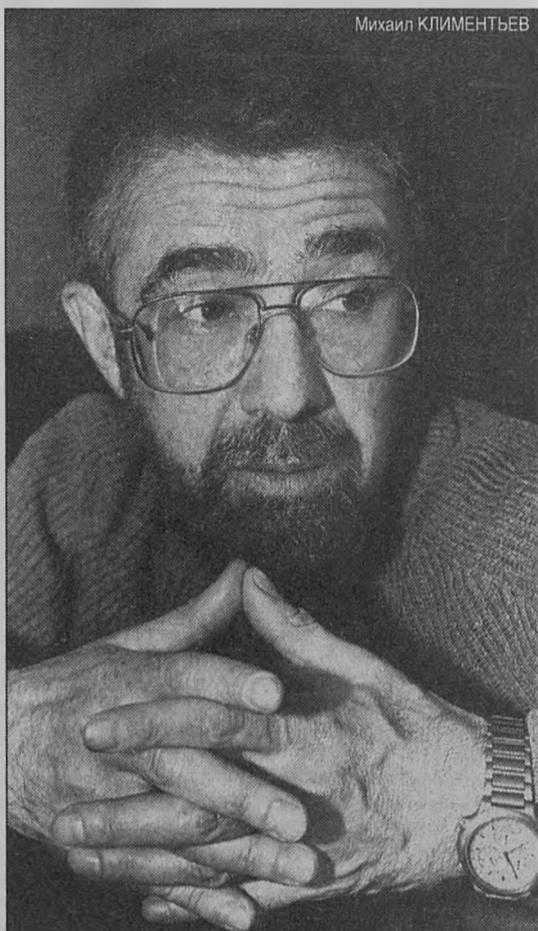
Это первое, прозаическое оправдание литературы под углом зрения земного времяпрепровождения. Но возможен и другой взгляд — с точки зрения мироздания, вечности, абсолютной истины. Я убежден, что искусство знает толк в истине. Не потому, что истина его заботит. Поэт может писать, чтобы охмурить девицу, или чтобы завоевать благорасположение сильных мира сего, или из честолюбия. Но если он действительно талантлив, само шество стихов возьмет свое, навяжет ему ритм, дыхание, интонацию — такие, что он попадет в резонанс вращения светил, приливам и отливам, пульсации Вселенной. Это звучит, возможно, завышенно и гордо, но я пляшу от практики, а не от теории. Для меня есть два ключевых понятия, осмысляющих творчество вообще: естественность тона как путь к полноценному общению и чуткость к гармоническим законам, в существование которых я верю...

Возьмем более или менее естественное развитие и смену формаций в искусстве, как нас в школе учили: классицизм, романтизм, сентиментализм, реализм и так далее. Каждое из этих искусств в свое время было чрезвычайно насыщенным, на проблематике каждого метода на какое-то время для лучших голов тех эпох просто свет клином сошелся.

Сейчас мы свидетели триумфального планетарного шествия постмодернизма. Не знаю, где как, а в России для него была подготовлена плодородная почва. Советское официальное искусство ничего эстетически самостоятельного создать не могло: оно было стреножено идеологией. Зато к его услугам была вся палитра художественных средств минувших эпох, обильная контрабанда. Так что, как видим, попользоваться стилем без духовных затрат — это не постмодернизмом выдуманно, была традиция, и еще какая! Сказанное, понятно, не единственная и не главная предпосылка повального постмодернизма, но одна из специфических национальных предпосылок, готовность, что ли, предрасположенность.

И второе. XIX век был временем теоретического обоснования утопий. XX столетие воплощало их на практике. Кончилось это катастрофически. Большие массовые идеологии потерпели сокрушительное поражение в глазах тех, конечно, кто способен делать из случившегося выводы. Подгонять целые цивилизации под общий знаменатель идеи не получилось. То есть получилось, но привело к невиданному доселе самоистреблению. Релятивизм всего спектра — от веротерпимости и толерантности до цинизма — стал массовым мировоззрением. Нет большой идеологии — нет и большого стиля, ему неоткуда взяться. Зато есть эстетическая искушенность вообще и особый советский навык профессионального манипулирования чужими стилями. Вот, по-моему, национальные предпосылки для нынешнего отечественного постмодернизма.

Но хорошая литература не может играть в бирюльки: жизнь не стала проще и легче, смерти никто пока не отменил. Опереться вовне умному и добросовестному человеку уже не на что. Идеология себя скомпрометировала, массовые конфессии отпугивают, напоминают о соборных идеологиях. Словом, образовались большие пустоты, в которых удельный вес каждой личности чрезвычайно воз-

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

растает. Это видно и по нынешней расстановке жанровых сил. Чем приватнее жанр, чем личностнее он, тем мне он кажется насыщеннее. Положите передо мной на выбор современные эссе, мемуары или письма, стихи и роман — не глядя, я выберу перво-наперво документальный жанр, потом эссеистику, после стихи, если они написаны без проповеднической претензии, слогом альбома. А роман вообще не прочту, если только меня не запрут с ним в комнате один на один на неделю. Большой прозе, чтобы быть хорошей, придется наклониться в сторону эссеистики, срывать время от времени на прямое обращение к читателю — то есть перестать быть романом в традиционном смысле слова: Иванов сказал, Петров выстрелил, Татьяна задумалась...

Конечно, не надо забывать, что подлинное искусство — всегда «вдруг», всегда преодоление невозможного. Мы напророчили одно, а завтра некто пишет роман в обреченной вроде бы традиции. Но он так одержим этим, что от всех наших скептических умопостроений не останется камня на камне.

Что нынешняя словесность может сказать миру?

Вобщем-то говоря, сказать есть много чего: опыт просто нечеловеческий. Из-под каких обломков мы выбираемся, «чему, чему свидетели мы были?». Но здесь же таится и опасность проникнуться особой важностью своего сообщения, сверхзадачей, тем же миссионерством — гордыня всегда найдет себе лазейку: пусть мы сели в лужу, зато в самую глубокую. Об исключительности и важности своего слова для мира не надо заботиться, как не следует заботиться о стиле. Набоков или Саша Соколов, осмелюсь заметить, в лучших своих произведениях меньше всего озабочены стилем — идет протокольная запись своего видения мира. Замечаем мы стиль именно тогда, когда внимание и увлечение автора, а заодно и наше, ослабевают. Разговоры о стиле немного вводят в заблуждение, внушают ошибочное представление о свободе выбора — как в выборе стиля плавания. Бабель не выбирал манеру письма, он навел на резкость собственное зрение — и стал безошибочно узнаваем. То же, по-моему, происходит, когда хлопочут о сохранении национального стиля. Если он так слаб, что ему грозит исчезнуть с лица земли, — туда ему и дорога, или прячьте его в резервацию. Но если есть настоящая потребность говорить — тут уже не до красот. Но вот тут-то настоящий стиль, даже не стиль, а плоть речи и дают о себе знать...

Завершаются два века русской литературы. Первое и пока единственное, что в связи с этим мне приходит в голову, — упразднение народопоклонства, перерастание этой проблематики. После целой эпохи завистливых и восторженных взглядов на народ снизу вверх, робкого приближения к нему, «хотьбы в него», народ взял и сам открыл ногой дверь в кабинет писателя. Гора пришла к Магомету. Знакомство состоялось, даже слишком близкое — коммунальное. Внимательное рассмотрение показало, что народа, скорее всего, нет. А вот люди есть. И различий у них больше, чем общих черт. Долг исчерпан. А совершать по отношению к людям добрые поступки — дело доброй воли каждого, в том числе и писателя.